

ГЕНРИХ АЛИ БАБА

2. ОРБИТАЛЬНЫЙ ДЕФИЦИТ

Генрих Али Баба

2. Орбитальный Дефицит

«Автор»

2026

Али Баба Г.

2. Орбитальный Дефицит / Г. Али Баба — «Автор», 2026

В жестоком мире орбитального «Сектора-360» кислород — строго нормированная валюта. Официальные сводки Канцелярии Стерильного Вакуума гласят, что ресурсы станции истощены, а Земля внизу превратилась в мертвую пустыню. Каждое сокращение квот оборачивается удушьем для жителей нижних ярусов. Слепые пилот грузового буксировщика Дан и беглянка из клиники Эн случайно находят челнок с невозможными 71 годом запаса кислорода. Вместе с подпольем слепых рабочих «Вакуум-М» они узнают тайну: дефицит — лишь инструмент контроля, а скрытая под титановыми щитами Земля давно возродилась. Чтобы вернуть людям свободу, героям предстоит вступить в бой с Регистраторами и взломать систему, пока станция не задохнулась окончательно.

© Али Баба Г., 2026

© Автор, 2026

Генрих Али Баба

2. Орбитальный Дефицит

Глава 1

Дан был почти слеп. Тяжелая прогрессирующая форма Синдрома Орбитальной Депривации — профессиональная болезнь тех, кто десятилетиями выживал под тусклыми натриевыми лампами и выцветшими светодиодами — медленно, но беспощадно выжигала его сетчатку, год за годом стирая грань между светом и тьмой. Окружающий мир давно утратил четкие границы и контраст, превратившись в постоянное, мутное месиво из серого тонера, ползущих полос и бледных, размытых бликов, среди которых он с трудом мог отличить дверной проем от голой переборки. Но Дан уже давно не искал визуальных ориентиров, будто зрение стало для него ненужным довеском, от которого организм сам постепенно избавлялся. Он вел свой старый, потрепанный грузовой буксировщик за пределами разросшегося «Сектора-360» исключительно по вибрациям, звукам и внутреннему чувству конструкции — так, как иные штурманы полагаются на звезды, которых он никогда не видел.

Его пальцы, вжатые в изношенные полимерные накладки рычагов управления, безошибочно ощущали мельчайшие оттенки поведения машины: мелкую дрожь штампованного корпуса, короткие ритмичные толчки маневровых двигателей и глухой, нарастающий гул металлического Мусорного Пояса, дрейфующего вдоль внешней орбиты. Каждый из этих звуков давно превратился для него в отдельный, узнаваемый голос, и Дан слушал их так же внимательно, как иные слушают дыхание близкого человека. Холодный, бесконечный космос во мраке за иллюминатором ассоциировался у него вовсе не со свободой или романтикой прошлых веков, о которой изредка проговаривались старики на нижних ярусах. Это была беззубая, но смертоносная пасть, затаившаяся сразу за двойными герметичными переборками и тонкими листами обшивки, готовая проглотить любую оплошность без предупреждения и без жалости. Каждая секунда здесь требовала абсолютной концентрации, ведь вакуум не прощал ошибок — а Дан слишком много раз слышал, как эта пасть смыкалась за чужой спиной.

Снаружи раздался тяжелый, металлический звук. Магнитный захват сцепной балки с сухим звяканьем возился в проржавевший борт полузатонувшего в куче технического лома аварийного модуля, скрежеща о деформированный металл так, что этот звук отдавался прямо в зубах. Дан уверенно нащупал потертый панельный шлюзовой интерфейс на панели буксировщика, вручную выровнял внутреннее давление, слушая, как выравнивается свист по обе стороны переборки, и, наклонившись вперед, заглянул внутрь челнока через толстое матовое стекло наблюдения — привычка, оставшаяся с тех времен, когда он еще мог что-то разглядеть.

Внутри, намертво притянутый ремнями к пилотскому креслу, восседал мёртвый человек. Помятый скафандр давно истлел и покрылся трещинами, а сам труп превратился в высохшую, почерневшую мумию, застывшую в позе, в которой ее застигла смерть десятилетия назад. Судя по глубоким вмятинам на обшивке модуля, катастрофа произошла несколько десятилетий назад — вероятно, кто-то из ранних разведчиков Мусорного Пояса, потерявшийся среди обломков и забытый, как забывали здесь почти всех.

Однако на нагрудном дисплее аварийной системы жизнеобеспечения пилота по-прежнему ярко горели ядовито-зеленые цифровые символы, различимые даже сквозь мутную пелену его зрения:

ОСТАТОК КИСЛОРОДА: 71 ГОД

Дан замер, и его пальцы застыли на тумблерах сцепки. Холодная струйка пота медленно стекала по его виску, несмотря на застоявшийся, привычный холод кабины. По строжайшим правилам Министерства Ресурсов, действующим во всех отсеках, максимальная квота на один действующий идентификационный чип живого человека никогда не могла превышать сорока

восьми часов запаса — эту цифру вбивали в голову каждому с детства, вместе с уроками экономии влаги и дыхания. Счётчик на груди мертвеца из разбитого челнока выдавал невероятную статистику, которая по законам орбиты считалась абсолютной невозможностью, системным сбоем или тяжелейшим государственным преступлением. Кто-то обладал ресурсами, о которых обычные жильцы секторов не смели даже мечтать, ресурсами, способными прокормить кислородом не один десяток жизней. Дан судорожно сглотнул, чувствуя, как сухой, переработанный воздух станции застрял в его горле, и впервые за долгие годы ощутил нечто похожее не на усталость, а на настоящий, липкий страх.

Глава 2

На «Секторе-360» вопли аварийных динамиков, вмонтированных под ржавый потолок, внезапно перекрыли привычный, монотонный гул гигантских вентиляторов — звук настолько чужеродный на фоне обычного фона станции, что многие вздрогнули, даже не понимая пока, что именно случилось. По металлическому настилу проходов прошла ощутимая вибрация, сопровождаемая сухим щелканьем переключателей высоковольтной сети, и Дан, стоявший неподалеку, почувствовал эту дрожь задолго до того, как динамики выдали первое слово.

— Внимание гражданскому блоку Г-4, — раздался из раструбов металлический, обработанный фильтрами голос, в котором не прослеживалось ни капли человеческого сочувствия, будто говорившему было совершенно все равно, слушает ли его хоть одна живая душа. — Ввиду критического падения резервов и нестабильности центральных накопителей, кислородная норма населения сокращается на 18%. Сектор переводится в режим «нулевого регистра». Приготовиться к плановому переселению.

Люди, застрявшие в тесном, пахнущем горелым маслом коридоре, даже не заплакали. В их иссушенных, обескровленных организмах попросту не было лишней влаги для слез, как не было и воздуха для громких рыданий — годы жесткой экономии приучили тела экономить даже отчаяние. Каждая капля пота, каждая слеза на орбите считалась нерациональной тратой ресурсов. Каждые несколько минут специальные датчики на стенах считывали плотность испарений, налагая штрафы за лишний расход влаги, и люди давно научились плакать внутрь себя, без единого внешнего проявления. Все эти люди слишком хорошо знали, что именно на языке Канцелярии Стерильного Вакуума означает сухое словосочетание «плановое переселение», и потому в их молчании было куда больше ужаса, чем в любом крике.

Дан стоял в нескольких шагах от переборки, крепко прижавшись лбом к толстой, покрытой инеем вентиляционной трубе — холод металла на мгновение показался ему почти успокаивающим. Глаза его разглядывали лишь мутные серые пятна, но слух и осязание работали с предельной чёткостью, улавливая малейшие изменения в привычном гуле станции. По тяжелой стали прошла первая волна дрожи. Где-то в глубине коридора глухо звякнули гидравлические приводы, и тяжелые аварийные заслонки с натужным скрежетом перекрыли выходы из сектора Г-4, отрезая его от остальной станции так же безжалостно, как отрезают гангренозную конечность.

В запечатанном отсеке началось стравливание остатков воздуха. Сначала гул выходящей под высоким давлением атмосферы был низким, шипящим, похожим на свист стравливаемого пара — Дан узнал бы этот звук из тысячи других. Но уже через полминуты он сменился частой, отчаянной и хаотичной дробью: запертые внутри сотни людей бились руками, ногами, тяжелыми инструментами и обломками труб по немым гермозатворам, умоляя о пощаде, которую никто не собирался им давать.

Дан считал эти удары всем своим телом, чувствуя вибрацию стального листа через подошвы сапог и прижатый к трубе лоб, и каждый удар отдавался в его груди так, будто бился не металл, а нечто живое. Постепенно ритм отчаянных ударов начал замедляться. Паника уступала место удушью. Удары становились всё реже, слабее, превращаясь в одиночные, вялые гре-

мящие штрихи... Пока через десять минут переборка снова не стала просто холодным, абсолютно немим куском мертвого железа, и в этой внезапной, окончательной тишине Дан стоял неподвижно еще долго, не решаясь отнять лоб от трубы.

Глава 3

Девушка ждала его в глубокой тени технического дока №8, прячась за массивной станиной неисправного погрузчика. В этом заброшенном ярусе воздуха почти не было, он казался тяжелым и стоячим, будто десятилетиями никто не потревожил здешнюю затхлую тишину. От её одежды и кожи остро пахло резкими химическими нейрорепрессантами, концентрированным озоном и сухой, чистой бумагой — специфическим запахом, который Дан помнил по редким визитам в закрытые санитарные зоны клиники «Вита», и этот запах сразу насторожил его сильнее, чем любой звук.

— Ты привёз модуль 404-А? — тихо спросила она, не делая лишних движений, будто боялась, что даже шорох одежды выдаст её присутствие кому-то невидимому.

Дан остановился, оперся на тяжелый разводной гаечный ключ и слегка наклонил голову, всматриваясь в её темный силуэт своими невидящими, мутными глазами, покрытыми беловатой пленкой, — привычка вслушиваться лицом, а не смотреть.

— Зачем он тебе понадобился? — хрипло проговорил Дан, переводя дыхание после быстрого перехода по темным коридорам дока. — Человек внутри этого челнока угас сорок семь лет назад, во время Великого Замыкания на третьей линии. Это просто замерзший мусор, дрейфующий в поясе.

— Нет, — Эн сделала осторожный шаг вперед, выходя из тени, и половицы дока едва слышно скрипнули под ее ногами. Из-за непрерывного воздействия нейроблокаторов её голос звучал отстранённо и ровно, но в нем прослеживалась хирургическая, абсолютная точность, будто каждое слово было заранее выверено и взвешено. — Он умер вовсе не сорок семь лет назад. Он умер вчера. Человек в этом модуле дышал свежим, не рециркулированным воздухом до вчерашнего вечера. А сегодня утром его персональную квоту просто стёрли из реестра.

Дан крепче сжал прохладную рукоять ключа, чувствуя, как внутри нарастает глухое беспокойство, растекающееся откуда-то из груди вниз, к самому желудку.

— Кто ты такая? — спросил он, и голос его прозвучал тверже, чем он сам ожидал.

— Раньше я работала с реестрами и считала кислородные баллы для Канцелярии, — произнесла Эн, опустив взгляд, будто эти слова давались ей физически тяжело. — Мне провели стирание памяти сразу после того, как я случайно увидела реальный общий баланс системы. Я забыла, как меня зовут, где был мой родной блок и кем были мои родители. Но цифры... цифры навсегда остались в моей голове. И они не сходятся, Дан. Нам лгут. Кислорода на этой орбите должно хватать всем с избытком.

Слова эти повисли в затхлом воздухе дока, и Дан почувствовал, как внутри него что-то медленно, но необратимо сдвигается с привычного места — будто под ногами дрогнула сама станция, на которой он прожил всю свою жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.